

— Ты, что ты здесь делаешь?

Ли Пэй, опираясь одной рукой на край стола, поднялся с места. Его брови сошлись на переносице, глаза гневно сверкали, а голос звучал пугающе сурово.

Перед ним стоял даос.

На вид ему было около тридцати, красивое лицо, белое одеяние с синим халатом, волосы распущены. Странно, но при виде незваного гостя Ли Пэй не выказал ни капли удивления.

— Кто позволил тебе войти в дом Ли? Я давно с тобой покончил, мы квиты! По дороге на свадьбу ты наговорил всякой чуши, из-за чего мы с женой три месяца живем отдельно. Юаньнян — чистая и добрая душа, она боится, что со мной случится беда, и каждый день постится и молится. Она была изнеженной барышней, привыкшей к уюту, а попав в мой дом, лишилась нормальной еды и крова, исхудала до неузнаваемости. И у тебя еще хватает наглости заявляться сюда!

Ли Пэй говорил, закипая от ярости, на виске у него вздулась вена.

— Пэй-эр, не сердись на меня, я просто не хотел, чтобы ты продолжала так скрываться. Я же говорил тебе: давай сбежим, бросим этот проклятый дом Ли, но ты упрячилась. Я... я не мог видеть рядом с тобой другого, вот и пошел на крайние меры.

Даос в панике шагнул вперед, пытаясь обнять Ли Пэя, но тот оттолкнул его.

— Кто тебе Пэй-эр?

Ли Пэй вскинул подбородок, чуть наклонился и, впившись взглядом в глаза даоса, отчеканил:

— Я Ли Пэй, единственный наследник рода Ли. Сначала я приму дела отца, буду вести бизнес, а потом, согласно брачному договору, буду жить с Чжоу Юаньнян. Через пару лет у нас появятся дети, и к тебе, непутевому даосу, это не имеет ни малейшего отношения!

— Пэй-эр, это я, Цин Фэн, виноват, что не объяснился сразу и заставил тебя злиться. Столько времени прошло, но это лишь потому, что я был по рукам и ногам связан делами. Не сердись на меня, ладно? Вы же обе женщины, как у вас могут быть дети? Пэй-эр, ты уже столько отдала ради семьи, хватит, правда, хватит! Неужели твое собственное счастье ничего не стоит?

Цин Фэн умолял, от его былой беспечности не осталось и следа — лишь вид влюбленного безумца, терзаемого страстью.

— Ха!

Ли Пэй схватил его за халат и с холодным презрением бросил:

— Носишь даосскую мантию, а болтаешь о мирской любви — стыда у тебя нет! Раз я приняла решение, то не отступлюсь. Если ты сорвешься и по городу поползут хоть какие-то слухи, я той же ночью отправлюсь к подножию Чуншаня и вырву тебе язык!

— Пэй-эр, Пэй-эр, я люблю тебя, и ты меня любишь, почему же нам нельзя быть вместе? — Цин Фэн, раздавленный этими словами, осел на пол и прошептал, едва сдерживая рыдания.

Почему его Пэй-эр так хочет себя мучить? Какая семья, какая свадьба — все это ложь!

— Ты ненавидишь меня за то, что я втянул в это невинную барышню Чжоу, я извинюсь перед ней, только не надо, не надо так...

— Нам не по пути.

Видя его состояние, Ли Пэй почувствовала, как сжимается сердце. Она села, с трудом переводя дыхание, и выдавила из себя улыбку:

— Цин Фэн, тебе давно пора понять и отпустить. Я уже не та маленькая девчонка, которая, чуть что не по ней, убегала в храм к твоему учителю, ожидая, что красивый старший брат будет развлекать её всеми силами. Уезд Сюньлу по-прежнему косный и замкнутый, и хотя дом Ли считается прогрессивным, женщина здесь все равно не может наследовать дело. Видимо, такова судьба.

— Я изучаю законы неба, но не верю в судьбу. Пэй-эр, неужели у тебя рука поднимется вычеркнуть наши десять с лишним лет?

Цин Фэн сжал кулаки, в его глазах стояло отчаяние.

— Десять с лишним лет... — Ли Пэй горько усмехнулась. Перед глазами все поплыло, замаячили тени прошлого, которые не прогнать и не отсечь.

Она не удержалась и коснулась щеки Цин Фэна, прошептав:

— Брат Фэн...

— Пэй-эр, я хочу забрать тебя к подножию Чуншаня, ловить зайцев, печь для тебя батат, а если станет грустно — убежать куда подальше. Мы объездим семь провинций и двенадцать округов, а потом вернемся с ребенком, чтобы показать его твоей матери, и она будет вынуждена согласиться на наш брак...

Цин Фэн говорил и говорил, пока не захлебнулся рыданиями.

Мальчик на бамбуковой лошадке, девочка вокруг сливы... Почему же жизнь похожа на театральную пьесу, где встречи редки, а разлуки бесконечны, и до седых волос вместе не дожить?

— Если в твоём сердце ещё осталась любовь к Пэй-эр, возьми свои слова обратно при всех. С этого дня мы забудем друг друга, как в легендах. Пэй-эр останется хранить семейное дело, а ты вернешься к мирской жизни, найдешь себе хорошую девушку, и все будет как надо.

Ли Пэй плотно сжала губы, убрала руку, встала и указала на дверь:

— Господин даос, прошу!

— Хорошо, хорошо, я исполню твою волю, как я могу тебе отказать...

Цин Фэн, пошатываясь, поднялся, вытер слезы и потянулся, чтобы стереть их и с лица Ли Пэй, но заметил, что, хотя её глаза и увлажнились, слезы не текли. Её взгляд был тверд, словно камень.

Он вмиг лишился души.

Чжоу Юаньнян очень нервничала.

Сегодня тот даос снова пришел, только выглядел не так опрятно, как в прошлый раз, скорее даже жалко. Он сказал, что её муж разыскал его, и после долгих уговоров он, не выдержав, совершил обряд и снял с них проклятие несовместимости судеб. Теперь они смогут жить как обычные супруги до самой старости.

И вот теперь Чжоу Юаньнян сидела на брачном ложе, застеленном три месяца назад, и смотрела на догорающие свечи с драконом и фениксом.

Значит... сегодня у них настоящая первая брачная ночь?

В этот момент вошла Ли Пэй и, слегка смущенно улыбнувшись, произнесла:

— Юаньнян...

Мин Шусу сидела в карете, рядом с ней тихо примостился Юэ Лэ, глядя на неё своими круглыми глазами.

Она пошевелила ногой: раны еще не зажили окончательно, но ходить уже можно было почти без боли. Лекарство Фэн Цинцзя оказалось просто чудодейственным — интересно, какой странный рецепт она использовала? Должно быть, вычитала в какой-нибудь древней книге.

— Хочешь угоститься?

Мин Шусу взяла кусочек пастилы из боярышника и улыбнулась Юэ Лэ. Ребенок был таким искренним и милым; она привыкла к не по годам серьезным подросткам, и такой, как Юэ Лэ, встречался нечасто.

— Можно? — осторожно спросил Юэ Лэ.

Карета уже довольно долго ехала по тихой дороге.

— Конечно.

Мин Шусу протянула ему сладость, но вдруг замерла и резко подалась в сторону, уклоняясь от летящей стрелы.

Юэ Лэ на мгновение оцепенел от страха. Но тут же, невесть откуда набравшись храбрости, он выскочил из кареты и, рассерженно надувшись, пискнул:

— Подло нападать из засады! Вы все злодеи!

— А малец неплох.

Это сказал не убийца, а кучер. Он сорвал соломенную шляпу, выхватил из-за пояса гибкий меч и тут же схлестнулся с двумя нападавшими.

Звон стали послужил сигналом: из засады выскочили еще трое охранников, и при перевесе четыре против двух сторона Мин Шусу мгновенно перехватила инициативу.

Мин Шусу похлопала Юэ Лэ по плечу, жестом приказывая ему вернуться внутрь. Она бросила взгляд наружу и, заметив, что нападавшие одеты одинаково, поняла, что главаря среди них нет, и громко приказала:

— Кун Янь, заканчивай быстрее, после этого сразу к госпоже Цинцзя!

— Не нужно, ко мне, к моей ученице, она, похоже, на пределе.

Фэн Цинцзя подросла вовремя. Убийцы пали, и кучер, не теряя ни секунды, без колебаний

направил карету по приказу Фэн Цинцзя.

Кровь уже запеклась, края раны почернели. Волосы Фэн Цинцзя растрепались, по лицу катился пот, губы побелели, ноги дрожали, казалось, она вот-вот упадет.

— Это яд, госпожа, у вас есть лекарство? — Мин Шусу подхватила её. Её тревога подтвердилась, и в её глазах впервые промелькнул страх.

— Раз здесь Кун Янь, зачем ты прибежала? Только усугубила ранение.

— Лекарство я приняла. Просто не могла успокоиться. В этот раз противник попался серьезный.

Фэн Цинцзя прерывисто ответила, с трудом дыша, и отстранила Мин Шусу, которая пыталась её обнять, прислонившись к стенке кареты.

— Кун Янь справится с парой-тройкой обычных убийц, но если у них есть гу — дело дрянь. К счастью, в этот раз обошлось. Видимо, эти черви — вещь дорогая, не у каждого наемника найдутся, нам повезло.

— А где твои люди? Как он посмел допустить, чтобы ты пострадала? — Мин Шусу сжала зубы.

Перед отъездом она ясно приказала: относиться к Фэн Цинцзя так же, как к ней самой. Неужели это было так трудно понять? За эту дорогу они потеряли десяток охранников — неужели всех глупцов еще не перебили?!

— Не вини его. Я сама велела ему в случае нападения в первую очередь спасти Юэ Ту, — Фэн Цинцзя, видя, как в глазах Мин Шусу вспыхнул гнев, мягко успокоила её. — Я просто спешила, вот и выгляжу потрепанной, со мной все будет в порядке, не волнуйся.

— Ты вечно печешься о других, — с упреком сказала Мин Шусу, и если присмотреться, её глаза покраснели.

— Видеть, как ты переживаешь, уже стоит того, — Фэн Цинцзя стиснула зубы, вытащила кинжалом осколок клинка из раны и улыбнулась Мин Шусу: — Теперь можешь обнять.

<http://bllate.org/book/21759/2250164>